

УДК 811.111'42:821.161.1-3

(Толстой Л. Н.)

ББК Ш143.21-51+Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

ГСНТИ

16.21.07

Код ВАК

10.01.08

И. Ю. Рябова

Екатеринбург, Россия

**ФИТОМОРФНАЯ И ЗООМОРФНАЯ МЕТАФОРЫ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЯХ РОМАНА Л. Н. ТОЛСТОГО
«АННА КАРЕНИНА»**

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является изучение фитоморфных и зооморфных метафор в англоязычных версиях романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина». Рассматриваются некоторые примеры употребления данных концептуальных метафор в художественном дискурсе и их влияние на понимание контекста в аспекте межличностных отношений. Среди фитоморфных мы выделяем флористические концептуальные метафоры и древесные. К зооморфным частотным метафорам относим медвежью метафору и пчелиную, имеющие особое значение в романе для раскрытия межличностных отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: концептуальная метафора, древесная метафора, зооморфная метафора, флористическая метафора, символ, сравнение.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябова Ирина Юрьевна, преподаватель английского языка, аспирантка кафедры иностранных языков Уральского государственного педагогического университета. Адрес: 624205, г. Лесной, ул. Мира, д.32, кв. 154. E-mail: i.y.rjabova_3012@mail.ru

I. Y. Ryabova

Yekaterinburg, Russia

**PHITOMORPHIC AND ZOOMORPHIC METAPHORS
IN ENGLISH VERSIONS OF TOLSTOY'S NOVEL
«ANNA KARENINA»**

ABSTRACT. The main aim of the article is to find out the main peculiarities of phitomorphic and zoomorphic metaphors. Certain examples of these conceptual metaphors are plucked out from the text

where special attention is paid to their usage in the context and influence on the meaning in the aspect of human relations. Among phytomorphic metaphors we lay focus on tree and flower conceptual metaphors. And as for zoomorphic ones, mainly bee and bear metaphors are of great interest in the novel as they are part and parcel in the context in the aspect of human relations.

KEY WORDS: *conceptual metaphor, tree metaphor, zoomorphic metaphor, flower metaphor, symbol, comparison.*

ABOUT THE AUTHOR: *Ryabova Irina Yurievna, English teacher, aspirant of the Faculty of Foreign Languages Ural State Pedagogical University.*

Мастерство Л. Н. Толстого как художника и мыслителя трудно переоценить. Наряду с характерными особенностями романа «Анна Каренина» – «круговым» построением сюжетной линии и правдивым отражением исторической эпохи – писатель использует многообразные средства художественной выразительности, особую роль среди которых играют метафоры. По замечкам Е. Н. Купреяновой, метафоры Л. Толстой использует по-новому, извлекая из языковой метафоры ее психологический корень, обновляя ее, в результате чего все метафоры художника следует считать «художественными» [Купреянова 1966: 152]. Тем не менее, существуют основания разделить метафоры в данном произведении на исторические, религиозные, предметные и др. В рамках данной статьи мы планируем подробнее остановиться на концептуальных метафорах, среди которых выделим флористическую, древесную, зооморфную. Данный кластер предметных метафорических номинаций объединен темой природы, которая принимает на себя то, что представляется художнику наиболее ценным и существенным в человеке [Купреянова 1966: 120].

Остановимся на описании природы перед встречей Левина с Китти в русскоязычном варианте романа: ...Был ясный морозный день. У подъезда рядами стояли кареты, сани, ваньки и жандармы. Чистый народ, блестя на ярком солнце шляпами, кишел у входа, и по расчищенным дорожкам между русскими домиками с резными князьками, старые кудрявые березы сада, обвисшие всеми ветвями от снега, казалось, были разубраны в

новые торжественные ризы. У переводчика Р. Пивера дан такой контекст: ...It was a clear frosty day. At the entrance stood rows of carriages, sleighs, cabbies, mounted police. Proper folk, their hats gleaming in the sun, swarmed by the gate along the cleared paths, among little Russian cottages with fretwork eaves and ridges; the old curly-headed birches in the garden, all their branches hung with snow, seemed to be decked out in new festive garments [Peaver 2000: 27]. Лексема «garment» имеет основное значение «одевание», из-за чего коннотация «священная одежда» в этом переводе утрачивается. К. Гарнетт интерпретируют «наряд» берез другим лексическим оборотом, сохраняя прямое значение слова «риза» – «облачение, одежда священника для богослужения» [Ожергов 1988: 555]. ...Crowds of well-dressed people, with hats bright in the sun, swarmed about the entrance and along the well-swept little paths between the little houses adorned with carving in the Russian style. The old curly birches of the gardens, all their twigs laden with snow, looked as though freshly decked in sacred vestments [Garnett 1901: 50]. Кроме того, «свежесть», морозность и «чистота» дня условно метафоризируется и в упоминании снега. Березы в снегу олицетворяют мечту Левина о невесте в фате, материализацию его мыслей о свадьбе. Идею свадьбы поддерживает в романе устойчивая «медвежья» метафора. Физическая сила Левина, его нелюдимость и социальная «взъерошенность» могут вызывать ассоциацию с медведем [Леннkvист 2010: 96]. Однако нам представляется, что он выступает как «страж медведицы», а самой медведицей – Китти, о чем свидетельствует разговор Левина с гувернанткой Китти. «Да, вот растем, – сказала она ему, указывая на Китти, – и стареем. Tiny bear, медвежонок, уже стал большой», – продолжала француженка, смеясь, и напомнила ему его шутку о трех барышнях, которых он называл тремя медведями из английской сказки [Толстой 1997: 30]. Помимо упомянутого образа созвездия Большой Медведицы, смысл «медвежьего» мотива уходит в глубину русского фольклора, где медведь и медвежья шкура связаны с плодородием и свадьбой [Лотман 1983: 270]. После отказа от охоты на медведя Левин увлекается пчеловодством. В древности пчела как символ Божественного разума отождествлялась с душой, с одной стороны, и символизировала Бездну, которая соответствовала диаде начала и конца, с другой [Маковский 2014: 58]. «Пчелиная» метафора встречается в художественном пространстве в описании психологических состояний героя, его мыслей и

чувств. Смысл жизни, который так мучает Левина («Что же я такое?», «И где я?», «И зачем я здесь?»), неожиданно дается ему в словах мужика Федора: ...При словах мужика Федора, что Фоканыч живет для души, по правде, по-божью, неясные, но значительные мысли толпою как будто вырвались откуда-то иззаперти, и все, стремясь к одной цели, закружились в его голове, ослепляя своим светом [Толстой 1997(2): 284]. Мысли Левина похожи на выпущенный рой, который надо ловить и сажать в новый улей. Р. Пивер вслед за Л. Н. Толстым использует сравнительную конструкцию: ...At the muzhik's words about Fokanych living for the soul, by the truth, by God's way, it was as if a host of vague but important thoughts burst from some locked-up place and, all rushing towards the same goal, whirled through his head, blinding him with their light [Peaver 2000: 794]. Изначально употребление лексемы «whirl» характерно для хаотичного кружения листьев, беспорядочного движения роя пчел. Однако мысли Левина «не-темные», они «ослепляют своим светом», а свет – это Бог. Благодаря словам мужика, мысли, подобно пчелам, собираются в одно: Слова, сказанные мужиком, произвели в его душе действие электрической искры, вдруг преобразившей и сплотившей в одно целый рой разрозненных, бессильных отдельных мыслей, никогда не перестававших занимать его [Толстой 1997: 294]. К. Гарнетт характеризует это превращение следующим образом: The words uttered by the peasant had acted on his soul like an electric shock, suddenly transforming and combining into a single whole the whole swarm of disjointed, impotent, separate thoughts that incessantly occupied his mind [Garnett 1901: 1384], где лексема «swarm» – 1) рой; 2) стая, и является типичной в коллокациях «муравьиный/ пчелиный рой», «стая саранчи», но может употребляться и в глагольной форме: Bees and drones played, dizzying the eye, before the flight holes, circling and swarming in one spot, and among them the worker bees flew, all in the same direction, out to the blossoming lindens ... [Peaver 2000: 803] – Перед летками ульев рябили в глазах кружащиеся и толкущиеся на одном месте, играющие пчелы и трутни, и среди них, все в одном направлении, туда в лес на цветущую липу и назад к ульям, пролетали рабочие ... [Толстой 1997: 295]. Липа в фольклорных поверьях – священное дерево, связанное с любовью, с Возрождением. Она – связующее звено в цепи образов, символизирующих отношения Левина с женой, устоявшихся, искренних, надежных. Возвращаясь к «пчелиной» метафоре, следует отме-

тить, что эта идея встречается у Л. Н. Толстого не только в метафорах, но и в ряде сравнений, имеющих символическое значение. Вспомним бал, когда «...Китти с матерью входила на большую, уставленную цветами и лакеями в пудре и красных кафтанах залитую светом лестницу. Из зала несся стоявший в них равномерно, как в улье, шорох движенья...». Помимо «a light-flooded stairway» («залитой светом лестницы»), упомянутой Р. Пивером или «a staircase which was deluged with light» в контексте А. Мод, по которой они поднимались вверх и символизирующей начало светлого, счастливого будущего Китти, автор неслучайно сравнивает бал с ульем пчел. В русской мифологической летописи улей означал «пчелиную силу», которую поднял архангел Гавриил и велел ей лететь на Русь. В данном отрывке мотив «пчелиной силы» принадлежит образу «цвета общества, который сгруппировался в левом углу залы» – «...In the left-hand corner of the room she saw grouped the flower of society» [Peaver 2000: 78]. Иерархичность, «ступенчатость» подчинения, одновременно с признанием «своих», явились в контексте в ипостаси способности пчел создавать рой и улей.

В одном из отрывков, описывающих душевное состояние Левина при встрече с Китти, читатель имеет возможность наблюдать употребление двух тропов – ...Ничего, казалось, не было особенного ни в ее одежде, ни в ее позе, но для Левина также легко было узнать ее в этой толпе, как розан в крапиве. Все освещалось ею. Она была улыбка, озарявшая все вокруг... Сравнение «как розан в крапиве» и метафора «она была улыбка, озарявшая все вокруг» у Р. Пивера, Л. Мод, А. Мод и К. Гарнетт даны в одинаковой интерпретации. Рассмотрим контекст на примере перевода К. Гарнетт: There was apparently nothing striking either in her dress or her attitude. But for Levin she was as easy to find in that crowd as a rose among nettles. Everything was made bright by her. She was the smile that shed light on all round her [Garnett 1901: 51]. Свет – символ Бога, создающий религиозную метафору в контексте, которая усилена сравнительной конструкцией с концептом растения – розы, противопоставленной растущей как сорняк крапиве. Обращаясь к античной мифологии, символ «розы» был выбран Л. Н. Толстым неслучайно, так как она – символ совершенства, эмблема божественной и романтической любви. Кроме того, роза служит яркой аллегорией человеческого сердца, тайны, солнца, «освещающего все вокруг», космического колеса и центра мироздания.

Подводя итог, следует заметить, что указанные метафорические номинации полны художественного и поэтического смысла. Пользуясь терминологией Л. И. Ереминой, они становятся психологически мотивированными деталями, создающими определенное самосознание героев, и являясь неотъемлемой частью взаимоотношений персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

- Еремина Л. И. Рождение образа: О языке художественной прозы Льва Толстого. – М. : Наука, 1983. 189 с.
- Купреянова Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого. – М. : Наука, 1966. 323 с.
- Леннkvист Б. Путешествие вглубь романа. Лев Толстой: Анна Каренина. – М. : Языки славянской культуры, 2010. 127 с.
- Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий. – Л. : Просвещение, 1983. 416 с.
- Маковский М. М. Язык – миф – культура. – М. : Ленанд, 2014. 317 с.
- Ожегов С. И. Словарь русского языка // Под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Русский язык, 1988.
- Толстой Л. Н. Анна Каренина. – М. : Терра, 1997.
- Garnett C. Anna Karenina. – USA. Planet eBook, 1901.
- Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. – Oxford : Macmillan Education, 2002.
- Maude A., Maude L. Anna Karenina. – London : Wordsworth Classics, 1918.
- Peaver R., Volokhonsky L. Anna Karenina. – London : Penguin Classics, 2000.